

ВИКТОР КРИКУНОВ

ОТШЕЛЬНИКИ С ОСТРОВА ОГНЕННЫЙ

издательство
Гангут
Санкт-Петербург 2018

Виктор Крикунов

Отшельники с острова Огненный

«Гангут»

1994

Крикунов В. С.

Отшельники с острова Огненный / В. С. Крикунов — «Гангут»,
1994

Сегодня главными персонажами повествования будут: автор собственной персонею и мой товарищ по заключению. Я не случайно выбрал этого человека. И вообще, большинство согласится с тем, что в нашей жизни нет места случайности. Пути Господни неисповедимы... И, наверное, необходимо благодарить эти таинственные и непонятные дороги, которые приводят к встрече с яркими и сильными натурами. И раз уж я вспомнил о дороге, то прошагаю по этому пути повторно. Хождение в мыслях по пройденным жизненным тропинкам имеет положительную сторону, так как учит человека на будущее проходимости и по бездорожью. Научит ли меня?.. Посмотрим...

© Крикунов В. С., 1994

© Гангут, 1994

Виктор Крикунов

Отшельники с острова Огненный

© Виктор Крикунов, 1994

© Оформление. ООО «Издательство Гангут», 2023

1994 год

Архангельская область Отшельники с острова Огненный.

Мы тянули за лямку перегруженную баржу ГУЛАГа.

Суровые условия старинного монастыря плюс жесточайшие обстоятельства, созданные для особо опасных рецидивистов (в большинстве – калек и инвалидов, так как зона имеет официальный статус инвалидной) загрузили ГУЛАГовскую баржу выше ватерлинии.

К этому необходимо добавить, что ярлык «О.О.Р.» соответствовал далеко не всем осуждённым. Многим заключённым это тавро Советы прижигали так же легко, как в небезызвестное время – клеймо «враг народа».

Непроизвольно напрашивается вопрос: для чего судьи с партийными билетами это делали? Ответ, на мой взгляд, лежит на поверхности: они были роботами и выполняли специальную программу, заложенную в них жрецами коммунистической идеологии. А почему именно такой спецзаказ? Пожалуй, это ни для кого не секрет. Во-первых, создать рабский, каторжный труд на лесных плантациях, а также во многих других сферах производства. Во-вторых, необходимо иметь психологическое оружие массового устрашения для людей, желающих демократических перемен. (Невольно ассоциируется с оружием массового уничтожения). Любой человек, столкнувшийся с репрессивной системой (имеющей такое импортное название – пенитенциарная), ощущает, что он является жалкой букашкой на ладони Циклопа. А кто не успевает этого понять – тот погибает.

Сегодня я напишу о жизни заключённых, тянувших в громадной каторжной артели баржонку против течения реки. Той реки, которая несёт свои чистые воды в океан человечности, гуманности и справедливости. Мы же впряжены в бурлацкое ярмо и усиленно, с потом и кровью, тянем против... А как бы хотелось расслабиться, передохнуть и развернуть баржу по течению, и плыть туда, где свет, где нормальная человеческая жизнь...

Конечно, мечтать не вредно, как гласит общеизвестная поговорка. Но в наших условиях, мне кажется, мечтать не только не вредно, но, скорее всего, и крайне опасно, так как появляется чувство безысходности и отчаяния. А происходит это оттого, что действительность и мечты (розовые, оранжевые, зелёные и многие другие) разделяет глубокая пропасть. Хотя за последние два года я был убеждён, что навсегда сумел избавиться от этого страшного и опасного психологического состояния – состояния камикадзе. Дело в том, что я не хотел быть рабом, и поэтому подлежал физическому уничтожению. Вероятно, я не писал бы сейчас эти строки, если бы не поверил во Всевышнего. Но стоило мне осознать существование Господа, и сразу же – как по мановению волшебной палочки: всё-таки дирижёром был Всемогущий, – мир в

моих глазах кардинально изменился. Всевышний наделил меня своими дарами: терпением, радостью и светом.

Однако я никого не хотел бы вводить в заблуждение, заверяя, что эти состояния присутствуют в моей повседневной жизни постоянно. Очень часто моя радость меркнет, подобно костру, в который некому подбросить дров, а внутренний свет угасает, как вечерние сумерки от окружающей реальности. Причина, конечно, банальная: всё дело в том, что душа болезненно воспринимает несправедливость, беззаконие и бесчеловечность, которые пышным цветом расцветают в нашей стране. Но это цветение выразительно бросается в глаза и сильнее ощущается в советских концлагерях. Я умышленно не изменяю фирменным этикеткам, так как внутренняя сущность осталась без изменения и полностью, от рогов и до копыт, советско-фашистско-прокоммунистическая. Я сам узник этой системы.

В заточении нахожусь уже 15 лет. (Юбилей справлю через несколько месяцев. Ох, и погуляю на радостях!) Как видите, стаж солидный. Можно сказать, ветеран. Наверное, в недалёком будущем будут выдаваться такие значки: «Заслуженный ветеран советских тюрем и лагерей». А женщинам-зечкам: «Жертва пенитенциарной системы». И если вы уже прониклись мыслью, что пишет этот рассказ тоже жертва, к тому же, с великим стажем, то тогда я на полных правах (я их получил не по благу) поведаю о том, что буквально с первых шагов испытываю на себе хорошо отлаженную систему подавления личности. И, к моему счастью, сумел выработать противоядие против ядовитых и смертельных укусов этой исполинской кобры. А может, будет точнее – гидры. Но, в то же время, когда я вижу чудовищный беспредел в отношении ближних, то невольно забываю применять своё противоядие и начинаю душевно болеть и переживать. Невозможно оставаться спокойным, радостным и по-философски мудрым, когда рядом страдают люди. Когда они заслуживают совсем другой участи, а не пыток в этих монастырских стенах за колючей проволокой.

Безусловно, я приобретаю много оппонентов, так как мне могут напомнить о кармическом происхождении страданий. Всё правильно: с таким подходом я, разумеется, согласен, но это тема высших, космических материй. А мы-то с вами живём в примитивном и несовершенном обществе, на грешной матушке-Земле, на которой космические законы, естественно, тоже копируются по своему высшему номиналу. Но от простых смертных, к сожалению, вселенский принцип скрыт за семью печатями. Следовательно, лучше не затрагивать высшие миры, а продолжать описание низшего – сатанинского. Конечно, у меня могут появиться не только культурные оппоненты, которые будут отрицать существование пыток и издевательств, но и настоящие враги. А может, меня объявят врагом или психически неполноценным? Или приговорят к смертной казни, как мусульмане писателя Салмана Рушди? В любом случае, что бы со мной ни случилось, – правда сильнее лжи, а добро – зла.

Несомненно, эти истины в нашей стране многолетиями подвержены тотальной дискриминации, так как в Богом забытой России, на всех её необъятных просторах, господствует Дракон. Который пожирает миллионы ему неугодных. Самых благородных, умных, смелых, и вообще, самых-самых... Отборное жертвоприношение!

Согласитесь, очень прожорливый Дракон! Да и не мудро: на людском мясе и крови выращенный. Разумеется, я не сказочный герой. Сами понимаете, в сказках проще: там можно погибнуть – и возродиться из пепла, как птица Феникс. А также можно применять мёртвую и живую воду... В обычной жизни всё намного сложнее, и поэтому, выходя на схватку с Драконом-людоедом, нужно быть готовым ко всему...

Однако я верю в себя, и верю в победу демократических, прогрессивных сил. И мне хочется (пусть это выглядит наивно и даже противоестественно, так как не соответствует имиджу рецидивиста) заложить кирпичик в фундамент будущего здания нового общества. На блок, к огорчению, способностей не хватит. А пока я замешиваю раствор для строительства и своим правдивым описанием постараюсь открыть глаза многим, желающим узнать правду.

Сегодня главными персонажами повествования будут: автор собственной персоной и мой товарищ по заключению. Я не случайно выбрал этого человека. И вообще, большинство согласится с тем, что в нашей жизни нет места случайности. Пути Господни неисповедимы... И, наверное, необходимо благодарить эти таинственные и непонятные дороги, которые приводят к встрече с яркими и сильными натурами. И раз уж я вспомнил о дороге, то прошагаю по этому пути повторно. Хождение в мыслях по пройденным жизненным тропинкам имеет положительную сторону, так как учит человека на будущее проходимости и по бездорожью. Научит ли меня?.. Посмотрим...

Был конец сентября. Подходил к завершению длившийся целый месяц переезд с Архангельской зоны на Вологодский «пятак». Тяжело дался этот гурто-скотский переезд. В таких условиях мы ехали и в таких нас содержали. К тому же, наш этап, из двадцати человек, довольно близко перезнакомился с гонконгским бродягой-гриппом. Без лечения, на одном кипятке и выносливости организма, мы пытались избавиться от назойливого и наглого знакомого. Многих пошатывало от температуры, слабости и головокружения. А впереди ещё был завершающий отрезок пути. Нам предстояло несколько часов ехать в автозаке.

В день этапа, с раннего утра, мы были в возбуждённом состоянии. Наконец-то кончилось аварийное лежание в трюмах пересыльной тюрьмы города Вологды, который находится в краю озёр и рек, в краю резных наличников и палисадников, в краю, где разрушенные и заброшенные храмы, монастыри и церкви влачат жалкое существование среди серых бетонных склепов домов. В городе, известном мастерицами-кружевницами и высококачественным вологодским маслом. Впрочем, никого из нас в этот момент совсем не волновал вопрос об искусстве кружевниц-рукодельниц. И так же не интересовали секреты производства вологодского масла, новый сорт которого создал старший брат известного русского художника Верещагина.

Почти всех волновал вопрос, имеющий отношение непосредственно к своей жизни. Мало кто из этапиремых читал «Гамлета», но, в сущности, необязательно быть датским принцем, чтобы задаваться сакраментальным вопросом. На уровне гамлетовского мы задавали себе такой вопрос: что нас ждёт на этой зоне? Почти для всех она воспринималась в сознании, как последнее прибежище в царство теней.

Конечно, не все были знакомы со стихотворением одного осуждённого по прозвищу Гуня, который в своём поэтическом творении замечательно охарактеризовал пятачок.

Разумеется, у меня такие стихи записываются в памяти, как в магнитофонной ленте в студии звукозаписи. А раз я его помню, то представлю на ваш суд. Лучше иметь собственное мнение, чем навязанное со стороны. Но не судите строго, так как это стихотворение он писал не для поэтического сборника, а для истории. А к историческим фактам требования совсем иные. Итак:

Здравствуй, остров страданья —
Пятак роковой.
Ты, как символ ГУЛАГа,
Вдали – голубой.
Как дракон, пожираешь,
Этапы людей.
И становишься ты
Всё мрачней и мрачней.
В казематах твоих
Люди стонут и мрут,
Проклиная всю жизнь
На планете.
Потому что не могут

Они умереть,
По-людски, где-нибудь
В лазарете.
Пятачок, пяточок, сколько ж
Жизней сгубил?
Ведь подумать, и то —
Очень страшно.
Сколько ж вдов по России
Оставил одних?..
О тебе говорят очень мрачно.
С Бухенвальдом тебя
Только можно сравнить;
Почему ж не смогли
Вместе вас схоронить?
Бухенвальд историчен,
Мир знает о нём.
О тебе же, пятак,
Лишь в ГУЛАГе одном...

Август Васильевич – так по документам величали Гуню, с лирикой справился неплохо, а ещё лучше – с предупреждением о грозящей опасности. Хотя, конечно же, мы уповали на то, что начавшаяся перестройка в общественном сознании сумела изменить мрачный облик и этого каземата на острове. Пусть совсем незначительно, но хилые побеги человеческого затронули и этого монстра. А, следовательно, имелся шанс дожить до свободы. Вероятно, невысказанные мысли подобного рода были у многих осуждённых. А, может быть, и не у многих, так как солидная группа была закалена в других, не менее жестоких лагерях и тюрьмах, и поэтому я не буду выдавать свои соображения за мысли всех. Пусть будет субъективное впечатление, но зато точное, ведь за свои ощущения я могу поручиться.

И вот долгожданное содрогание и лязг «кормушки», и корпусной зачитал длинный список вызванных с вещами. Началась короткая суматоха и паника. Даже заранее готовясь, умудрялись что-то терять. Один зек оставил свою ногу. А увидев её, стал орать: «Чья нога? Чья нога?» и в минуту затишья (а некоторые бросились проверять сохранность своих ног) он выдал: «Вот чёрт, свою ногу не узнал – значит, долго жить буду». С этими словами он стал пристёгивать протез. А остальная публика повалилась от смеха. На этап тронулись, поднимаясь с пола и со слезами на глазах от смеха. Спустились в распределитель-отстойник, где в нетерпеливом ожидании находился прибывший за этапом конвой. Начальник конвоя, старший лейтенант, брал личное дело и зачитывал фамилию. А осуждённый отвечал своё имя, отчество, год рождения, статьи, срок, вид режима, и если всё совпадало – по команде отходил на указанное место.

Я стоял в ожидании, когда старлей доберётся до моего дела. Оно было самое толстое по объёму, поэтому я легко ориентировался. Перед моим досье офицер взял со стола тоненькое и зачитал фамилию: «Лапшин». В это время из второго ряда собранных на этап вышел высокий широкоплечий парень и бодрым голосом стал чеканить: «Леонид Александрович, 64-го; статья 102-ая; 13 лет особого режима». Офицер грубо возмутился: «Почему головной убор не снимаешь? А ну, быстро! Пока дубина не отвёдал!» Парень спокойно смотрел на начальника конвоя, словно на лицо опустил забрало из выражений: раскованности, непринуждённости и улыбки. Контрастность гневному и злобному была до неприличия яркой. Наступила тревожная тишина. Обычно перед сильной грозой природа также замирает. И у нас инстинктивно всё замерло. Мы знали, что вологодский конвой имеет печальную известность, о которой, впрочем, не стоит распространяться. Пожалуй, этому неприглядному факту можно посвятить отдельную

тему, которая сможет красноречиво пояснить, из каких побуждений парнишка не стал лезть в бутылку. А в критическую минуту убрал руки из-за спины и все увидели, что по предплечье их у него не существует.

«Проходи», – сменил гнев на милость начальник и продолжил проверять осуждённых по делам. После последовало традиционное предупреждение о том, что мы поступили в распоряжение конвоя, и при любом неподчинении солдаты будут применять оружие. «На войне, как на войне», – внёс я разнообразие в эту тираду. «Разговорчики!» – тут же раздался окрик. «Всё ясно, командир, поехали. Где наш джип?», – не успокаивался во мне ехидный бесёнок. Джип стоял во дворе тюрьмы. Однако я для собственного хорошего настроения автозак назвал на американский манер. В джипе прокатиться – это кайф, а нас, увы, на самом деле поджидал катафалк.

В этом катафалке мы тряслись 5 часов. С одной короткой остановкой для поливки растений. И если эту короткую остановку делают всегда в одном месте, то имеется шанс вырастить берёзовую аллею. Хоть какая-то хорошая память останется.

Безусловно, я пробую шутить, так как в остальном ничего примечательного не было, о чём можно было бы написать. Если только не обратить ваше внимание на то, что в этот раз наш этап доехал в полном составе. Хотя раньше были случаи, когда на этом пути у некоторых инвалидов и больных в буквальном смысле вытряхивало душу. Но время меняет не только сознание, но немного преобразовывает и дороги.

Высадились у озера. Глаза ослепила матушка-природа. После подземелья тюрьмы, после вонючей, дымной и полутёмной камеры, после барокамеры на колёсах, перед нами открылся чудесный вид – прекрасный пейзаж! Ослепительный фейерверк природы. Изобилие красок. Листопад постарался нарисовать абстрактную картину. Что-то рановато гениальный мастер взялся за кисть? Хотя, скорее всего, всё закономерно, ведь уже конец сентября. Но я не пойду обычным маршрутом – реального осознания явлений природы. Я сделаю себе подарок. И мне простительно, если – не в ущерб другим – сделаю себе презент. Ведь элементарно можно сместить стрелку внутренних часов и убедить себя в том, что природа нарисовала такой потрясающий пейзаж в честь нашего приезда. Она будит находящуюся в спячке душу. И сразу же в сознание заползла мысль, расплывчатая, как в утреннем тумане фигура.

В осени зашифрована мысль, которая выскальзывает из моего сознания, как колючий и сопливый ёрш. Правда, мне иногда понятны таинственные знаки старушки-осени. А чаще, к сожалению, неуловимы. Но они тревожат и не дают моей душе покоя. Странное, тихое и печальное торжество. Есть особый смысл в священном завершении жизненного цикла. Когда-то, в юные годы, я увлекался страной восходящего солнца. А у её жителей главными религиями являются буддизм и синтоизм. Апологеты синтоизма обожествляют природу и любят все периоды года, так как каждый период несёт особую прелесть. И я тоже, как синтоист, обожествляю природу, а перед осенью встаю на колени и преклоняю голову. Она больше, чем другие времена года, даёт душе тревожных ощущений и красочных впечатлений.

Откристаллизованный воздух заполнил меха лёгких, при этом щекотал в носу так, что невозможно было не обратить на него внимание. Кстати, сосредоточенное внимание – это проектор, которым из среды обитания мы высвечиваем отдельные детали. Мой луч заскользил сквозь прозрачный и чистый воздух и высветил на острове белые башни и стены монастыря. Доставшиеся ГУЛИТ в наследство от монахов. Говорят, достался бесплатно, – какое наивное заблуждение! Много кровушки богомольных праведников за него было пролито! Да и накопленных богатств изъято. «Не копите сокровищ на земле, где моль и ржавчина их разрушают, где воры могут проникнуть в дом и украсть их... Копите сокровища на небесах; там, где ваши сокровища, там будет и ваше сердце...» Такую мысль высказал апостол Матфей. Почему же церковь нарушила такую непреложную истину? Значит, не следует мне бездумно принимать религиозные учения: многие из них искажены фарисеями.

Беспокойные волны, которые о чём-то шумели почти у самых ног, не дали мне сосредоточиться на изречениях Библии, а также на родословной этого монастыря. Можно только предположить, что летопись у него идёт из глубин веков. Такие знания взяты мной не из литературных источников, а посредством интуиции. Поэтому я могу утверждать в точности выводов, так как своей интуиции я доверяю, а также в то, что вижу своими глазами. И я видел, что солнце в этот момент было на своём рабочем месте. И посылаю свою животворную энергию и свет. Этот нюанс следует подчеркнуть особо. Этот факт для общей картины имеет существенное значение.

Время на мгновенье остановилось.

Я, вообще-то, не замечал за собой чудодейственных способностей. Проще разгонять тучи руками или вызвать на иссохшуюся, жаждущую землю дождь, чем остановить время. А я его попросил: «Остановись, мгновенье – ты прекрасно!»

И оно отозвалось, оно откликнулось на просьбу. Я очарованно любовался великолепием красавицы и полной грудью вдыхал дурманящий аромат, исходящий от этой прелести. Пахло увянувшим летом, немного прелью, словно находишься в комнате престарелого человека. Но в этих запахах преобладало ещё то-то неуловимое и трудновыразимое, что нахально вторгалось в моё тело по каким-то своим каналам, без шлюзов и плотин. И моё существо распирало, как сильно надутый воздушный шар, от чувств: блаженства, трепетности, очарования и покоя...

Пушкин со своей лирикой стал входить в моё сознание. И в этот момент, когда я готовился к торжественному приёму Александра Сергеевича Пушкина, сильный толчок в спину вывел меня из задумчивости и равновесия. А если писать конкретно, соответствуя действительности, то дал мне такое ускорение, что против воли пришлось сделать маленькую пробежку.

Прекрасно то, что направление было в сторону движущегося этапа, а не в противоположную. А то бы пришлось услышать скрежетание затворов автоматов, свист пуль и оглушающие выстрелы. Или услышать лязг затворов, но не услышать ни свиста пуль, ни выстрелов... А где гарантия того, что не промахнутся? Оказывается, наш дружный коллектив начал движение. А я «проспал», и никто вовремя не «разбудил».

В институт или на работу проспаться – куда ни шло. Но ни в какие ворота не лезет, когда этапируют солдаты В.В. (эта аббревиатура мне невольно напоминает что-то давно знакомое, а вам?..) Когда я ускоренным стартом достиг колонны, тогда только меня догнал голос, очень похожий на незабываемый голос Преснякова-младшего, выражающий типичную в подобной ситуации фразу: «Что, идиот, глухой что ли?» Я оглянулся на любителя Достоевского и увидел зверское, оскалённое хайло. Лица разглядеть не смог, как ни старался. «Да нет, командир, всё намного сложнее: я находился в другом измерении», – доброжелательно ответил, обращаясь к ярко выраженному маленькому дракончику. Он не выразил удовольствия моему миролюбивому тону, и, разлился, как курский соловей в своих отшлифованных сольных коленцах. У меня слабое познание в качестве соловьиных трелей, но этому соловью можно отдать должное за мастерство. «Богом обиженный! Что с него взять?» – я совершенно не хотел портить такой замечательный вечер. Такая красота кругом! И поэтому пропустил мимо своего сознания весь его отборный лексикон, состоящий из набора двух десятков проперченных и просоленных выразительных слов. Пристроился в кильватер к нашей полосатой команде и, стараясь не отстать, крутил своей головой, как сова, во все стороны. Впечатления были значительнее, чем грубые окрики конвоя, а до пинков дело пока не доходило.

Нас вели к причалу, где сиротливо болталась на привязи какая-то маленькая шаланда (правда, без кефали). И чуть побольше, что-то вроде плота, на котором предстояло... «сквозь бури, дождь и грозы, взяв только сны и грёзы» уплыть к острову своей мечты. Всю жизнь мечтал стать графом Монте-Кристо. Как видите, половина моих голубых желаний уже исполнилась: впереди ждал замок Иф. А будет ли аббат Фарियो со своим кладом, это подскажет будущее.

При виде романтического водного транспорта у всех полосатых вырвался вздох облегчения. Вот и решение очень сложной проблемы, которую мы пытались определить заранее. Странно всё-таки устроен человек: мы не могли её разрешить, но столько спорили по поводу того, повезут ли на машине по мосту, который был древнее монастыря, или на понтоне?.. Вторым вариантом для нас был намного предпочтительнее, и в предвкушении его мы растаяли как эскимос в ладони... все того же одноглазого... Вероятно, надо объяснить, что ни у кого из нас не было желания кормить раков и налимов в железном ящике на колёсах. Как видите, я противоречив и тенденциозен к нашему конвою. А они были способны на такой щедрый подарок, а значит, что-то человеческое смогли сохранить. И после тягот, лишений и кошмаров поездок в «столыпинах» и автозаках нас поджидал понтон. А понтон – это праздник!

Мы расселись на палубе как туристы в гондоле в Венеции. Для полного ощущения праздника я вылепил из своего огромного мешка что-то наподобие трона, и, как Соломон, погрузился в созерцание неотразимой красавицы. Меня ничтожной суетой могли только на короткое время оторвать от супершикарной мадам... Это вроде рекламной паузы во время интересного, захватывающего фильма. В это время движок катера настойчиво застучал свой рок-металл. Я никогда особой склонности к року не испытывал, но эти звуки движка ласкали слух. В сочетании с очаровательной природой можно было впасть в транс, что, наверное, со мной и произошло.

Меня уже совершенно не волновали вопросы будущего, и прошлое не цепляло своим якорем. Меня растворило и размазало в красках осени. Я обновлялся и освежался каждой частичкой тела. О душе можно и не упоминать. В неё нахлынул ниагарский поток ласковых и нежных чувств. Тихий шёпот волн мне стал диктовать, как нерадивому школьнику, забытые воспоминания. Видно, один из якорей зацепился за твёрдый грунт памяти. Я мысленно отбросил целый пласт времени, и пошёл скитаться в своей юности. Когда я так же наслаждался красотой, но не озера, а морями и Тихим океаном. К этим примешивался кандальный звон, а в тех не фонило ничем, кроме абсолютной свободы. Такие эротические для моей психики воспоминания расшевелили во мне флибустьера. Я невольно оглянулся по сторонам. В этом движении проявилась десятилетняя практика неукротимого побегушника. И просчитал вариант возможного побега. Был бы подельник, то сбросить в воду этих манекенов с автоматами, чтобы она смыла с них церберскую спесь, не составило бы труда. Я увлёкся отработкой плюсов и минусов ситуации. Задача довольно простая: не хватало только надёжного товарища, способного на риск, авантюрные приключения и «без отдачи». Что значит в переводе с жаргона: человек без отдачи – это такой, который не подведёт в экстремальной ситуации. Люди, прошедшие войну, про таких любят говорить: с ним я бы пошёл в разведку.

Вот такого человека мне для осуществления подобного плана и не хватает. Я оглядел сидящих арестантов. Среди двух десятков мой взгляд остановился на безруком парне. С таким бы я пошёл в разведку, сделал я вывод. И ко всему прочему, у него срока как у дурака махорки, да и у меня ещё 9 лет застигает горизонт до свободы. Внутренние противоречия и желания раздирали меня на две половины, как голодные львы. Мои прежние установки, взгляды и убеждения устроили семейную сцену новым, которые не чувствовали ещё себя в моём храме по-хозяйски. Они были скромными, застенчивыми гостями. Однако их голос пробился в моё сознание в виде такого вопроса: дорогой брат, как твои подобные мысли совмещаются с верой в Бога и с Его заповедями? Пожалуй, если бы я был лицемером и хамелеоном, и надел бы на себя одежды христианина ради каких-то меркантильных расчётов, то, несомненно, оправдание своим действиям я сумел бы найти. Одно из свойств психики. Ноя осознанное и искренне совершил покаяние в прежних грехах и всем сердцем потянулся к светлой жизни, которую может дать только Всевышний, через Своего Сына Иисуса Христа.

«Я есмь путь,

и истина,
и жизнь:
И никто не приходит к Отцу,
Как только через Меня».

Значит, в этот момент мой разум затмил голос сатаны. Изыди, сатана! Я стал прогонять из своего сознания дьявольское наваждение. Тут же я обратил внимание на то, что выбрал для этого способ весьма малоэффективный. Окультистские науки не советуют делать это в категорической форме. Проще добиться требуемого результата, если повторять молитвы. Господи, дай мне терпения и смирения! Этим я и воспользовался. Сгустившиеся тучи в сознании разорвались надвое, как завеса в храме.

И новые мысли сформировались в виде таких: конечно, я понимаю, что побег – это не выход из лабиринта, в котором я нахожусь. А наоборот, ещё большее усугубление своего положения и утяжеление кармы. А мне непременно нужно её отстрадать для своего будущего, а также для своих потомков. Нужно перестать быть эгоистом. И вообще, разве может внешнее быть ценнее внутреннего? Конечно же, не может! А, следовательно, монастырь – это для меня ещё один из этапов становления личности. Проведя воспитательную работу, самоанализ, ауто-тренинг и религиозную пятиминутку, я спокойно взирал на солдат, как на манекены, как на восковые фигуры в магазине мадам Тюссо. Тратить на них драгоценное время было неразумно, и поэтому я снова переключил внимание на природу.

Солнце склонилось к кромке леса. Красные лучи, как окровавленные кинжалы, полоскались в воде. Воздух загустел и превратился в тягучий напиток. Возможно, от этого медового напитка я захмелел, и когда началась высадка, меня несколько раз качнуло из стороны в сторону. «... Моряк вразвалочку сошёл на берег...», – вспомнился вдруг доисторический шлягер. Увы, ждало меня не пятьсот Америк и даже не пять, а новоозёрский монастырь, который большевики в 1924 году удачно переоборудовали в тюремный замок.

Пирс находился у самых ворот этого замка. Нас в две шеренги выстроили перед ними. Я оказался рядом с безруким, добродушным парнишкой. Неведомая сила влекла меня к нему. Вероятно, причиной было моё увлечение психологией, и поэтому непозволительно равнодушно проходить мимо такого колоритного типа. Конечно, самым главным датчиком души и интеллекта, а также физического здоровья являются глаза. И, разумеется, я внимательно в них заглянул, но увидел голубое небо. Я посмотрел на небо, а увидел глаза. Я встряхнул головой: что за галлюцинации? – и снова посмотрел в бездонный колодец души. Он улыбался, а в глазах рубинами мелькали искорки. Я немного растерялся, что бывает со мной исключительно редко, и начал разговор: «Слышь, парень, на случайно не один отец делал?» Улыбка ещё ярче озарила его лицо, и я услышал густой баритон: «Что, дружок, из-за наследства проблемы?» Теперь пришла моя очередь искать достойный ответ, и мне не пришлось лезть за ним в карман: я его выудил из подсознания. На крючке затрепыхалась фраза: «Я обладаю несметным богатством, которое ношу в этом сейфе», – похлопал я себя по груди для полного объяснения, о каком сейфе я веду речь. «Если сердце и душа, то, вероятно, один предок», – засмеялся Леонид, показав при этом ровный ряд белых зубов. Сие зрелище воспринимается противоестественно, потому что чаще бывают прокуренные, прочифиренные (с коричневым налётом на эмали) и арендованные у государства костяные жевалки, или самодельные фиксы из рандолевого сплава. Зубы – это тоже показатель здоровья, и, разумеется, характера. Всё находится в прямой зависимости: чем добрее душа, тем чаще улыбка. А с плохими зубами человек старается реже улыбаться, и это входит в привычку. А привычка постепенно – в свойство характера.

Посеешь привычку – пожнёшь характер; посеешь характер – пожнёшь судьбу. Это, конечно общие познания психологии, но я не замечал противоречий в этих обобщённых правилах. Поэтому я всегда обращаю внимание на глаза, зубы, морщинки и на многое другое.

Аккуратная, чистая одежда, привлекательный внешний фасад: яркое, открытое лицо, большая внутренняя и внешняя сила – всё это, с первых мгновений работы мозгового компьютера способствовало выдаче такой информации: стоящий тип располагает к знакомству и к сближению.

Сближение двух микромиров – это важная часть знакомства. Это такое же сложное дело, как состыковка двух ракет в космосе. По тем причинам, что, кроме взаимного духовно-душевного расположения, требуется определить много иных точек соприкосновения по интересам.

Я раньше с такой же неудержимой силой притягивался к отрицательным личностям. И впоследствии оправдывался перед собой, перед своей возмущённой совестью тем, что это мне было крайне необходимо для познания их характеров, мировоззрения, принципов и идеалов. И верил в то, что дружба в ними на моём характере негативно не сказывалась. Однако невозможно было вращаться на одной орбите и сохранять собственные взгляды и понятия в их первоначальном виде. В таком, в каком пребывает первовыпавший снег. Во всех случаях первоначальность своей внутренней чистоты я сохранить не смог. И на ней разные проходимцы оставляли грязные отпечатки. Поэтому я многократно испытал ошибочность моего убеждения. Вернее, это было не убеждение, а самоуверенность и переоценка жизненных сил, которая и приводила к печальным результатам. Хотя напрасно я считаю их отрицательными. Всё в этой жизни взаимосвязано, и поэтому из таких встреч я вынес стремление беречь свой внутренний мир и без разведки боем никого в него не пускать.

Исключений я не делал ни для кого. Следовательно, Леониду суждено было отразить разведывательную вылазку, а затем испытания мощности его психофизической машины на разных оборотах. Для него испытания осложнились тем, что о готовящемся экзамене он не знал. Зато для меня в этом случае задача проникновения в его мир упрощалась, свою разведку я вёл по всем правилам стратегии и тактики.

Первая пикировка и обстрел разных тел его организма (наверное, уместно будет напомнить о том, что согласно концепции многих учений, начиная с буддийской и кончая оккультными школами, человек состоит из семи тел: физического, эфирного, астрального, ментального, казуального, будхиального и атманического). Вот по этим разным уровням и площадям я и проводил обстрел. Результат был блестящий. Хотя не всё я мог определить ясно с логических позиций, но интуитивно ощущал высокий интеллект, могучий дух и развитую душу. После виража вокруг его «небоскрёба» (а я чувствовал его тела высоким зданием), я пошёл на второй заход и готовился к бомбометанию. Увы, вмешалась суровая действительность: снова выполнение стереотипного ритуала – приём по личным делам. После открыли ворота и мы вошли в святую обитель.

Я сделал несколько поклонов, отдавая дань уважения обитателям этого монастыря в прошлом. И современным отшельникам я тоже совершил поклон. Мне предстояло разделить с ними многолетнее существование в мрачных стенах. И нужно начисто отмести у себя высокомерие, гордость, эгоизм и самолюбие – эти качества усложняли мне жизнь. Помимо этих, я и другими был загружен, как Боинг – 747. Но Библия указала мне на такие недостатки. Вот поэтому я с первых шагов должен вести себя, следуя библейским истинам. Конечно же, избавиться от своих недостатков сложно. Это не квартиру венником подмести, но если не стараться избавиться от грязи, то не надо и мечтать о светлой жизни. А я ещё не потерял надежду. Я ещё верю в своё избавление от дьявольских козней, интрижек и искушений. Его цель: украсть, убить и погубить. Моя же задача – вырваться из паутины. Приложить максимум усилий, чтобы...

Додумать мне не пришлось: нас завели в камеру. В так называемый карантин, где нам предстояло провести ночь. На голых, железных шконах (что за напасть такая – всегда и везде голые). В связи с этим у меня моментально возникла мысль: почему для полного кайфа не приспособят искусственных баб? Вот было бы отлично! С таким приёмом на этой зоне от желающих не было бы отбоя. И ночь не длилась бы так мучительно долго. Ведь для многих прибыв-

ших переполненная холодная камера была ступенькой в мир иной. Среди нас, кроме обычных калек, находились инфарктники, а также слепой и диабетик. О туберкулёзных можно было бы и не писать, так как это состояние многих осуждённых, накопленное за годы каторги богатство. «Мои года – моё богатство» плюс болезни. В такой команде я был самым здоровым. За 15 лет тяжелейших условий, гнёта и беспредела сумел сохраниться, как нестандартный младенец в кунсткамере. И по сравнению с окружающими выглядел добрым молодцем.

Спасибо матери с отцом, которые в наследство в генах передали негибемый характер. А здоровье, безусловно, тоже находится в прямой зависимости с психологическим состоянием. Коротко, я был из породы Дикулей, Власовых, Брумелей и Островских. Как писал Борис Слуцкий, «...Гвозди бы делать из этих людей. В мире бы не было крепче гвоздей...» Из меня Советы хотят сделать винтик, но чем больше горят таким желанием, тем больше во мне просыпается дух. Мне всегда очень странно слышать заявления многих людей разного ранга, от простых смертных до верховных правителей о том, что преступность необходимо беспощадно искоренять. Лишать заключённых всех прав. Довольно опасное заблуждение! Во-первых, такое утверждение – это первый признак безнравственности. Во-вторых, таким подходом никого невозможно изменить. Можно только уничтожить светлые ростки в душе. Интересно, убили ли в Леониде светлые качества личности? Таким сроком можно наповал сразить, как в упор дулетом из 12-го калибра. К тому же, мне держать своё тело и психику в отличном состоянии проще: я практикую йогу и З.О.Ж.; не забываю систему покойного старца Порфирия Иванова. А ещё у меня вместо сердца «пламенный мотор», и руки и ноги целы.

А вот как быть безрукому?

Здесь сестёр милосердия с Красного Креста не видеть, как ангелочков. Да и благодетелей тоже. Каждый сам тянет свою лямку. «Ну и засунули нас в склеп...», – выплеснулась реплика с пикантной добавкой. «Будь доволен: раньше карантин в морге отбывали», – ответил на эту реплику кто-то из дальнего угла. «Чёрный юмор», – усмехнулся я, и вдруг ужом в болото сознания заползло сомнение: а может, и не шутит? Я тряхнул головой, отбрасывая негативные мысли, как лошадь отгоняет оводов и слепней, и стал размышлять на тему, которая, безусловно, тоже не относилась к разряду положительных... Да, каждый тянет свою лямку. Вцепился и упирается, упирается... В таком напряжении трудно уделять внимание другим: самому быть бы живу. На многих осуждённых страшно смотреть, так как к финишу своей жизни подползает искалеченным духовно, нравственно, морально, психически и физически. Во всех аспектах очень низкий уровень. И разве можно смотреть на такое общество спокойно? И усиливает трагичность положения то, что в этом меньше всего их личной вины. В государстве, где все уничтожается Драконом: природные богатства – земля, воздух, вода и леса.

И проживание в заражённых зонах, в десятки и в сотни раз превышающие допустимые нормы. Естественно, глупо ожидать полноценных людей. Удивительно, что ещё не каждый второй дегенерат. Хотя кто может точно определить в сложившихся условиях, каким должен быть нормальный уровень психики. Может быть, я сам давным-давно съехал «по фазе»? Красивые всё-таки в народе подбирают сравнения. И тяжело оттого, что чувствуешь своё полнейшее бессилие хоть как-то облегчить жизнь «совочков». Кто-то придумал такое ласковое прозвище жителям все страны?.. (По непроверенным данным, это под шафе прикололся Александр Градский). В первое время сознание противилось и бунтовало против такой клички, но прошло время, и я уже смирился с Совком.

Вот так и в других обстоятельствах: воюешь, воюешь с несправедливостью, а кажется, как будто Дон Кихот с ветряными мельницами. И такое же ощущение бесполезности борьбы. А ещё хуже, когда в отчаянном, жестоком спарринге чувствуешь, что попал в топкое, вонючее болото и с каждым движением тонешь, и тонешь в нём. Оно засасывает всего в своей вязкой, бездонной пучине. Со всеми возвышенными стремлениями, со всеми благородными порывами.

И этот монастырь, как я ни стараюсь воспылать к нему любовью и нежностью, на самом деле – бермудский треугольник для всех, попавших в его пределы. Я пытаюсь практиковать отстранённое зрение: когда смотришь со стороны на себя и на окружающих, даже не в анфас и не в профиль, а чуть свысока. И картина поражает своей убогостью, своей жалкой пародией на человеческую жизнь. Очень тяжело обратно возвращаться в свою шкуру, после наблюдения сверху. Всегда я это делаю через силу. Но я оптимист. В связи с этим я вспомнил одну прочитанную фразу: «Оптимист восклицает: как прекрасно жить на белом свете! А пессимист добавляет: боюсь, что Вы правы». Я согласен с позицией обоих. Я могу смотреть на жизнь под любым углом зрения. Однако я предпочитаю первое блюдо, с оптимистической начинкой. Поэтому я люблю посмеяться, находясь в трудной ситуации. И разумеется, когда я представил, как калеки будут заниматься сексом с надувными девицами, захохотал, а точнее, заржал, как ретивый скакун. Все установились на меня, точно так же, как смотрят на возмутителя спокойствия в приличном обществе. Фонтан безудержного смеха создал напряжённую тишину. Что-то я расчувствовался, упрекнул я себя. Пожалуй, надо объяснить причину идиотского смеха.

«Бродяги, – обратился я к ним, – я мысленно прокрутил видик с таким сюжетом: будто бы нам выдали по резиновой женщине. Представляете, в какое наслаждение превратилась бы эта ночка?...» Многие стали усиленно размышлять. Даже слышно стало скрежетанье шариков. Что поделаешь: тигроидное вещество солидолом не заменишь. Некоторые радостно заулыбались, это значить – процесс пошёл... А один недовольно спросил: «А что бы я с ней стал делать? Я ведь ещё ни одной девчонки за всю жизнь не оприходовал». «Маэстро, а сколько тебе годков натикало?» – немедленно решил уточнить такой уникальный факт. «Сорок пять, а с четырнадцати стал вращаться в этом мире», – с нотками горечи поведал искусственно созданный кастрат. «Да-а-а, – протянул я, с сочувствием глядя на него, – такой племенной самец пропадает бездарно...» И добавил: «Женщин, по данным статистики, в возрасте ягодного созревания, на мужчину приходится не менее трёх. Точность приблизительная, плюс-минус километр». Это, конечно, по данным социологов, взращенных в советских учреждениях, как в пробирке. У них всегда всё кристально и точно, как в аптеке. Мои же данные совершенно другие, так как я учитываю алкоголиков, наркоманов, токсикоманов, матросов, рыбаков, подводников, золотоискателей, бомжей, ракетчиков, ограниченный контингент защитников Родины и неограниченную тьму заключённых. Напоминаю Александра Блока: «.. миллионы вас, нас тьма, и тьма, и тьма...»

И по моему грубому подсчёту на каждого свободного гражданина, полноценного сексуального труженика – минимум по десять, а максимум... Эх, на волю бы сейчас, да до малинничка дорваться... С таким воодушевлением я размечтался о прекрасном. Христианские истины целомудрия ещё не вселились в меня и не находят понимания и моральной поддержки. Это же не от оспы прививку сделать. Хотя я имел удовольствие ощутить серьёзные перемены в моих представлениях о сексуальных взаимоотношениях, когда количество переходит в качество. Когда духовная близость стала важнее телесной. Но это было так давно. Со своих счетов прожитого я с лёгкостью откинул десяток лет. Пещерные люди (подобные мне) могут припомнить такие счёты и как скидывали десяток костяшек. Вот примерно с подобной лёгкостью я сбросил и свой.

И подумал, а если бы мне влюбиться сейчас: бесспорно, прекрасная половина была бы причислена к небесным созданиям. Но грёзы о феях были преждевременны и нежелательны... Впереди ещё такой же червончик. Только в том светили какие-то розовые сполохи надежды на вторую половину, созданную из ребра Адама. А в этом иллюзии развеялись, и словно перед разбитым корытом: «три желанья, три желанья! Нету рыбки золотой!»

Впрочем, любой здравомыслящий человек со мной согласится в том, что такое положение – это замедленное уничтожение естественных физиологических потребностей мужчин и женщин. Лишение их на долгие годы радости от общения с противоположным полом – это

пытка. А кто не согласен, пусть попробует! Ну ладно, я пошутил. А то сейчас начнётся: не надо было нарушать закон, тогда бы не пришлось плакаться в жилетку. Доводы, приводы, факты и аргументы. Умный человек подтвердит такой факт, что у нас в России намного легче попасть в тюрьму, чем на концерт Аллы Пугачёвой. И для этого иногда достаточно устроить любительский бокс с каким-нибудь наглецом или поссать за углом, смирившись с бесполезностью поисков жизненно необходимого помещения.

«Мои мысли, мои скакуны», и они ускакали по просторам прерий советско-российской действительности, ковбой из меня неопытный, и это родео не для моих мозгов. Я выпал из седла, и чтобы не было так мучительно больно, снова вернулся к сладострастным мечтам. «Женщины! Как я люблю вас, наши женщины! Вы жизнь и счастье, наши женщины, приносите порой. И ваше нежное шуршанье...», – перефразировал я одну из песен времён молодости (рано же я в старики записался!) «Ах, вернисаж, какой пассаж!» Такой наигранный, бодряческий тон мне показался совсем неуместен. К этой ситуации, вызывающей во мне какую-то боль утраты и ностальгию, больше подходит один прекрасный отрывок из оперы «Юнона и Авось» на стихи Андрея Вознесенского:

Ты меня на рассвете разбудишь,
Проводить необутая выйдешь.
Ты меня никогда не забудешь,
Ты меня никогда не увидишь.
Не мигают, слезятся от ветра
Безнадежные карие вишни.
Возвращаться – плохая примета,
Я тебя никогда не увижу.
И качнутся бессмысленной высью
Пара фраз, залетевших отсюда:
Я тебя никогда не забуду
И уже никогда не увижу...

Действительно, свою любимую мне никогда не увидеть. И это – факт бесспорный. Лучше бы спастись от каннибалов. Всё-таки имелся бы шанс снова увидеть даму моего сердца или печени. (А кто может дать гарантию, что именно сердца? Мне такую гарантию выдало само сердце, а оно никогда не ошибается). Но чтобы совсем не лишиться прекрасных эмоций и радости от любви, приходится в воображении рисовать возвышенно-эротические картины. От мастерства зависят и ощущения. Некоторые ловят «приход» от порнографии. Я подобные состояния умышленно фиксирую жаргонными словами. А у многих запросы гораздо выше.

Внезапно нашу сексуальную «оргию» нарушили визитёры: в камеру вошли два зека. «Здорово, бродяги!» – поприветствовали они нас и спросили: «В чём нуждаетесь, мужики?» «Кризис с чифиром, – раздался глуховатый голос, – да и с куревом труба» «Ясненько», – подвёл один из вошедших, а затем последовал вопрос: «А откуда вы прибыли?» «В основном, с мехренлага (так в сталинские времена окрестили архангельские лагеря) и ещё к основному косяку прибилось несколько человек с других управлений. Также вновь осуждённые в Вологде и Череповце» «Кто-нибудь раньше бывал на Пятаке?» – поинтересовался один из гостей. «Человек пять в разное время вкусили счастья личного знакомства, а двое идут с больницы», – я внёс ясность и в этот вопрос. «Тогда нет смысла объяснять положение на зоне: они картину обрисуют». «В общих чертах мы уже в курсе, – продолжил я разговор с ними, – зона воровская, а отсюда вытекает, что беспредела и махновщины нет, да и менты не лютуют так, как это было раньше». «День и ночь, по сравнению с тем, что было», – согласился со мной один из вошедших, высокий парень.

В этот момент открылась дверь, и голос, выражающий явное нетерпение, обрезал наше знакомство в самом начале: «Давайте закругляйтесь, мне некогда». «Хорошо, – подумал я, – что допустил до контакта, а то, чаще всего, стараются строго изолировать. Карантин есть карантин».

Конечно, термин взят из медицины, и он не совсем соответствует своему значению. Скорее всего, имеет лишь отдалённое сходство. И такое же, какое имеют брюнет и блондин. Естественно, все знают функции карантина в медицинском смысле. А здесь к этим требованиям добавляется ещё и такие, по значению более важные: изолируют на определённое время для выяснения личностей осужденных. Их настроений, их взглядов на жизнь. Кто какой жизнью живёт: вором, мужиком, козлом или обиженным. Есть ли на зоне потерпевшие или свидетели по делу? Подельники, по чьей вине выгребли из свободного мира? Не будет ли осложнений у администрации, если выпустить новоприбывших на зону? Много разных вопросов стоит перед администрацией. (Обращаю ваше пристальное внимание на это слово: «администрация». Если его разделить, то получится «ад министров». Серьёзная заявочка! А к словам нужно относиться очень серьёзно). После такого экскурса в лингвистику продолжаю о вопросах, ребром стоящих перед министрами, которые находятся в двойном аду. Колония – это ведь тоже геенна огненная. Где на костре низменных страстей сгорают наши честолюбивые стремления.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.